Настроение внутри кареты стояло мрачнее некуда. Зено сидела, свесив голову, и даже Уэйн не мог подобрать правильного слова. У неё остался один выбор: убить принца и не допустить союза Натры и Каварина. Это также бы дало ей время придумать план на случай непредвиденных обстоятельств. А ведь они оба сейчас находились в закрытом пространстве, где их никто не видел — лучшего шанса и не придумаешь. Но Зено не собиралась им воспользоваться. Отчаяние — одно слово, но идеально описывающее её состояние.

— Похоже, я на миг поверила, что мечта может сбыться, — медленно заговорила она. — Думала, если показать миру несправедливость, попросить помощи, то кто-то откликнется… я была так наивна.

— Что правда, то правда.

Всё сложилось бы иначе, если бы сопротивление раньше обратилось к другим странам. А возвращение столицы стало бы хорошим подспорьем. Если бы только они были решительнее, если бы только они знали, чем всё обернётся… Они много раз могли всё исправить, но в итоге не изменили ничего.

— Я сам в не меньшем замешательстве: подумать только, Святейший синод — сборище проходимцев.

— Да, слов нет.

— Особенно Кардмелия. Ты знала, что ей на самом деле около шестидесяти?

Пустые глаза Зено на лоб полезли.

— Я думала, ей где-то тридцать.

— Как и я. Даже любопытно, это имя по наследству передаётся, или у неё маскировка под стать фламийцу?

— В обоих случаях она — чудовище… Мой отец был круглым…

Везапно Уэйна окликнули с улицы.

— Ваше Высочество, я нашёл вас.

— М? Остановись.

Карета со скрипом встала. Принц выглянул в окно и обнаружил Раклама.

— Ваше Высочество, рад видеть вас в добром здравии.

— Как и я тебя. Уже спешишь обратно?

— Да. Осталось только составить отчёт.

— Чудно. Запрыгивай.

— Как прикажете. С вашего позволения.

Раклам забрался внутрь, и экипаж снова тронулся.

— Есть что-нибудь интересное?

— Я до конца не уверен, но госпожа Ниним раскрыла жизненно важную информацию.

— Прекрасно. Обсудим в особняке.

Раклам поклонился и заметил Зено. Она сидела словно в воду опущенная — долго гадать, как прошли встречи, не приходилось.

— Кстати, а что за книга у тебя в руках? — поинтересовался Уэйн, указав на торчащий из кожаной сумки переплёт.

— Я по пути заглянул в книжную лавку и по совету Вашего Высочества приобрёл священное писание Леветии, чтобы побольше узнать об этой религии.

— Правильное решение… О, неужели я вижу вторую?

— Мне настоятельно рекомендовали эту книгу. Говорят, она пользуется успехом у дворян и купцов — вот и взял её из любопытства и прихоти. А называется: «Гордость императорского двора или…»

— Выкинь.

— Как прика… что? — оборвался Раклам на полуслове, когда до него дошёл смысл сказанного Уэйном. Он даже пару раз моргнул. — Я сделаю, как вы и велите, Ваше Высочество, но…

Капитан безоговорочно предан принцу, и иного выбора, кроме как выполнить приказ, у него нет. Но в тоже время Раклам знал: принц не из тех, кто без причины станет с презрением

относиться к книгам.

— Не возражаете, если я спрошу, почему?

— Потому что я её написал.

От услышанного мужчина проглотил язык.

— Точнее, черновик набросал я, а искусный писатель из фламийцев завершил дело. Мы издали её на западе ещё до моего отъезда на учёбу в империю.

— Но разве не обязан я, как ваш подданный, прочесть её?

— Незачем, — отрезал Уэйн. — Вкратце, там говорится о верности дворянам, о рыцарях, служащих господину всем сердцем и душой. Они должны любить песни и танцы, писать стихи, преуспевать в делах амурных и с шиком проводить время. Жестокость осуждается, а бедность, даже во спасение, порицается, — он ухмыльнулся. — Что думаешь об этом идеале аристократа?

— Так и сияет благородством.

— Ты всё правильно понял, — оскалился принц. — Книга утверждает, что дворяне прекрасны по праву рождения, и поощряет их леность и бездействие — вот её и приняли тепло. Но есть один подвох: деньги.

— Деньги?

— Бедность — порок, бережливость — грех. Книга побуждает знать жить на широкую ногу, не считаясь с расходами. Презираются бюджеты, не одобряется ведение смет. И читатель проникается этими ценностями.

— Но разве такое возможно?

— Не совсем, но в вопросах веры люди не размениваются по мелочам и не выбирают, в какую часть книги верить, а в какую — нет.

Большинство читателей «Императорского двора» найдут в ней себя. Но признать, что автор ошибается в вопросе финансов, — а значит и во всём остальном, — значит признать, что они живут неправильно. Этого люди, конечно, никогда не сделают.

— Начнём с того, что бухгалтерия — наука скучная. В книге говорится, что носители голубой крови не обязаны отягощать себя её изучением. Это ложь, но люди охотно верят. Вода всегда

найдёт себе дорогу.

Раклам что-то прокряхтел. Уэйн прав, но его это до конца пока не убедило: остался главный вопрос.

— Ваше Высочество, я понял, что вы хотите донести, но зачем распространять эту книгу на западе?

— Разве не очевидно? — парень расплылся в зловещей улыбке. — Чтобы Запад прогнил с ног до головы.

Раклам замер в ступоре. Обыкновенно милостивый принц источал дьявольское коварство.

— Дабы работа велась с должным усердием необходимы три вещи: вознаграждение, соразмерное труду, высокая репутация ремесла и суровость наказаний за оплошность, — Уэйн поочерёдно поднял три пальца. — Бухгалтер обязан быть образцом порядочности и надежности — соблазн обмануть на такой должности очень велик. А в книге я над этим насмехался. Если труд не ценится, то и платить не станут, и репутация полетит на дно. Как думаешь, чем это грозит?

— Никто не захочет работать.

— В яблочко. По своей природе дворяне, наоборот, должны сами взять на себя управление финансами, но книга осуждает эту инициативу. Стало быть, они скинут учёт на кого-то другого. И единственные, кто возьмутся за сие уже неблагодарное дело — люди без статуса и амбиций.

Удивление на лице Раклама говорило, что он понял, куда ведёт принц.

— От таких проходимцев не стоит ожидать стойкости и верности делу, — продолжал тот, — лишь жажду наживы бесчестными путями. Мошенничество будет расти, а вместе с ним презрение знати к казначеям и счетоводам и суровость их наказаний. Число настоящих мастеров только уменьшится.

В итоге благородные сословия не будут знать, что происходит с их собственной казной. Семьи дворян начнут разоряться одна за другой. Чтобы не оказаться на улице, аристократы примутся задирать налоги. Страшась поборов, все купцы разъедутся, в городах вспыхнут голодные бунты, а к тому времени у власть имущих не найдётся денег, чтобы содержать хоть какую-то армию. Едва ли им удастся отстоять фамильный дом от озлобленных горожан.

— Честно, я даже не знаю, есть ли от книги хоть какой-то толк, — беззаботно добавил Уэйн.

— Прав... да?

— Это всего лишь книга. Она снискала какую-то популярность, но, пожалуй, скоро забудется. Поживём — увидим.

— И вы не против?

— Этот план, конечно, возымел наибольший успех, но у меня и другие тузы в рукаве есть. Не сработает — займёмся чем-нибудь другим, — рассмеялся принц.

Раклам не в силах был унять дрожь: Уэйн написал эту книгу до учёбы в империи. То есть идея и разработка плана принадлежала сущему отроку.

— Теперь-то ты понял, почему не стоит её читать?

— Да. Но я не могу выкинуть книгу, написанную Вашим Высочеством. Клянусь не открывать её, но прошу прощения за дерзость желания оставить её при себе.

Уэйн задумался. Книги очень дороги, и человеку тяжело взять и выкинуть её.

— Ладно, будь по-твоему. Если хочешь, можешь почитать, но не воспринимай близко к сердцу.

— Огромное вам спасибо.

Раклам глубоко поклонился и заметил, как Зено с ужасом смотрела на принца. Он не знал, что она точно также смотрела на иерархов Святейшего синода.

http://tl.rulate.ru/book/23805/1666011